

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИМАГОЛОГИЯ: ЭТНОСТЕРЕОТИП ЧУЖЕСТРАНЦА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

В. С. Абрамова

В своих произведениях А. П. Чехов живо воссоздаёт атмосферу человеческих отношений, менталитет, характеры, речь, стереотипы обыденного сознания, сформированные в той или иной национальной или социальной среде. Во многих рассказах и повестях писателя появляется образ представителя другой культуры (француза, англичанина, немца, поляка и др.) или возникает образ заграничного пространства (Франции, Германии, Италии и др.). Работ, в которых исследуется национальное восприятие «чужого» в творчестве Чехова, немало, но в большинстве своем они сводятся к обзору, ограничивающемуся перечислением и краткой характеристикой персонажей-иностранцев и свойственных им национальных стереотипов (см., например, работы: [2, 3, 4]). Через многие труды проходит мысль о том, что русские персонажи идентифицируют себя через противопоставление героям-иноземцам: «Чехов <...> играет национальными стереотипами, демонстрируя через взаимодействие двух

Абрамова Виктория Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

культур не только французский, но и русский национальный характер» [2, с. 400]. Однако функции «своей» и «чужой» культуры и проблематика национальных стереотипов в прозе писателя требуют детального изучения. Кроме того, подчеркивается, что Чехов использует распространенные представления о представителях другой культуры «преимущественно в юмористических целях» [4, с. 89]. Нам представляется продуктивным взглянуть на особенности раскрытия образа иностранного персонажа в прозе писателя с позиции *художественной имагологии*.

Имагология, основы которой заложены во французском сравнительно-историческом литературоведении 1950-х годов работами Жан-Мари Карре и Мариус-Франсуа Гийяра, активно развивается в отечественной науке, о чем свидетельствуют работы А. Р. Ощепкова, В. Б. Земскова, Е. Ю. Артемовой, Н. П. Михальской, А. Ф. Строева, Е. В. Папиловой и др. Е. В. Папилова, анализирующая образы «чужого» в произведениях художественной литературы, отмечает: «Понятие «имагология» не так давно вошло в оборот гуманитарных наук. Слово происходит от латинского *imago* (изображение, образ, отражение). Имагология — научная дисциплина, имеющая предметом изучения образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта. Образ «чужого» изучается в имагологии как стереотип национального сознания, т. е. как устойчивое, эмоционально насыщенное, обобщенно-образное представление о «чужом», сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде. Из этого следует, что

имагология не только раскрывает образ «чужого», но также, в связи с процессами рецепции и оценки, характеризует и сам воспринимающий субъект, т.е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей» [5, с. 31]. Ключевое понятие имагологии — *этностереотип*, т.е. устойчивое ценностное представление о других культурах. Этностереотипы содержат как реальные знания о нации, так и эмоционально-оценочное отношение к ее представителям, могут быть пристрастными, аккумулировать в себе предрассудки, предубеждения. Национальный стереотип отражается через хронотоп, место персонажа в образной системе произведения, его участие в сюжетном действии, предметной и речевой детализации. В настоящее время в литературоведческой имагологии нет общепризнанных методов исследования художественного образа «чужого». Поэтому современная имагология опирается на весь инструментарий литературоведения, использует типологический, мотивный, интер- и контекстуальный анализ и др.

Центральным для имагологии является концепт «свое / чужое», который играет особую роль для выявления национально-специфического, ведь данное противопоставление является одной из ключевых оппозиций национального сознания. Оппозиция «свое / чужое» несет ценностно-смысловую нагрузку: «свое» нередко выступает со знаком плюс и ассоциируется с хорошим, правильным, естественным; «чужое» идет со знаком минус и выражает плохое, ошибочное, странное. Проанализируем рассказы

«Свистуны» (1885) и «Обыватели» (1887) и отметим особенности репрезентации Другого и специфику взаимодействия «своего» и «чужого» в художественном сознании автора.

В рассказе «Свистуны» помещик Алексей Федорович Восьмёркин водит по своей усадьбе приехавшего погостить из Петербурга брата-магистра. Рассказ построен преимущественно как монолог Восьмёркина, реплики брата сведены к минимуму. Авторские отступления немногословны, они больше представляют обстановку, действия персонажей: «А похлёбка между тем простыла, и каша, которую вынули из печи, перестала уже испускать из себя дымок» [6, т. 4, с.111]. В центре рассказа — многочисленные, плаксивым голосом высказываемые негодования Восьмёркина на себя и себе подобных, и одновременно неумеренные восхваления русского народа и его представителей. Очень часто стереотипные представления о «другой» нации в произведениях писателя содержатся в высказываниях героев. Они возникают также в ходе сюжета, создаются посредством предметных подробностей и стилистическими средствами — сравнениями, лексикой, тропами и т. п., поэтому образы «живых» героев-иностранцев не является единственным способом формирования национальных стереотипов.

Восьмёркин всячески противопоставляет якобы исконное русское и европейское, что воплощает, по его мнению, Петербург. Помещик укоряет брата за то, что западники (такovým он назвал магистра) чужое выучили, своего не хотят знать. Помещик восхваляет (конечно же, на словах) русский народ, умаляя другие народы: «Настоящая Русь! Народ

на подбор! И что за народ! Какому, прости господи, скоту немцу или французу сравняться? Супротив нашего народа всё то свиньи, тля!» [6, т. 4, с. 108]. Люди, возомнившие себя интеллигентами, недоброжелательно отзываются о других народах. Казалось бы, подвыпившие братья ведут себя противоположно, но они не отличаются друг от друга отношением к работникам. Брат говорит, что у каждого народа своё прошлое, то есть не соглашался с карикатурным возвеличиванием своего народа братом, но одновременно курит «для чистоты воздуха сигару» [там же]. А когда дело доходит до издевательств над людьми, магистр не высказывает протеста и также участвует в издевательствах брата-помещика над дворовыми. Восьмёркин не принимает дворовых за людей, но считает их животными. Например, он говорит о людях, как о породистых лошадях: «Погляди, магистр! В плечах — косая сажень! Грудища, словно у слона! С места, анафему, не сдвинешь! А сколько в нем силы-то этой нравственной таится! Сколько таится! Этой силы на десяток вас, интеллигентов, хватит...» [6, т. 4, с. 110]. Когда Восьмёркин потряс пастуха Фильку за плечо, то Филька ухмыльнулся и издал звук «гы-ы». Помещик заявил, что преклоняется перед русским народом: «Верись ли? Учусь у них!» [6, т. 4, с. 109]. В людской, где обедали дворовые, издевательства также не прекращались. Людям не дали спокойно пообедать. Хозяин приказывал им петь, обсуждал особенности каждого «вольнонаёмника». Дело дошло бы и до танцев, но лакей доложил господам, что кушать подано. Сами братья вовремя сели обедать и за обедом снова говорили о преклонении перед русским народом, но на деле

они издевались над ним. Ключевым в рассказе становится не противопоставление русского и европейского, а праздные разговоры, «свистёжь» братьев, которые, рассуждая о своей культуре (на самом деле — просто болтая о ней), противопоставляя ее другой культуре, выдают себя, высвечивается их система ценностей. Поэтому в центре внимания писателя — сознание героя и его этическая и ценностная позиция, особенности взаимодействия этого сознания с изображённым бытием. Б. М. Эйхенбаум отмечал: «...Чеховский метод снимал различия и противоречия между социальным и личным, историческим и интимным, общим и частным, большим и малым — те самые противоречия, над которыми так мучительно и так бесплодно билась русская литература в поисках обновления жизни» [7, с. 227]. Думается, в сознании автора не существует оппозиции «свое / чужое», однако она может постоянно присутствовать в сознании героя, что в свою очередь приводит к насмешке автора над его позицией.

Рассказ «Обыватели» представляет нам противоположную ситуацию: нерусский персонаж противопоставляет себя русскому и насмехается над ним. Интересным представляется то, что в этом и других произведениях писателя все герои являются носителями национальных стереотипов. Суть произведения заключается в том, что целый день поручик из поляков Иван Казимирович Ляшкевский и немец Франц Степаныч Финкс, городской архитектор, наблюдают из окна за русским, празднично сидящим во дворе, и обличают его: «Русский человек, ничего не поделаешь! — говорит Финкс,

снисходительно улыбаясь. — У русского кровь такая... Очень, очень ленивые люди! Если б всё это добро отдать немцам или полякам, то вы через год не узнали бы города <...> Вот как сел на лавочку, так и будет, проклятый, сидеть сложа руки до самого вечера. Решительно ничего не делают, дармоеды и тунеядцы!» [6, т. 6, с. 191–192]. «С одной стороны, проза Чехова дает богатый материал для размышления над проблемой национального. Писатель рисует реалии национального быта, изображает культурные традиции. С другой стороны, упоминание «иного» в художественных произведениях отсылает читателя к стереотипу. Этностереотипный образ иностранца, так хорошо знакомый читателю, не является самоцелью для Чехова, но необходим писателю для характеристики сознания воспринимающего персонажа. Поэтому в рассказах и повестях мы видим взаимодействие разных ценностных позиций, а не противопоставление культур» [1, с. 90]. Обзывая русского обывателя лентяем, дармоедом и мошенником, живущим только мелкими личными интересами, говорящим только о политике и лужающим семечки, поляк и немец тоже ничего не делают и ведут себя как самые настоящие обыватели. Показывая ложные представления и мнения героя о необходимости противопоставления «своего» «чужому», художник ставит героев в комические ситуации. Весь день приятели проводят за посиделками, пустыми разговорами, бранью, едой, играми в пикет и сном, включая послеобеденный: «Злобно оглядывая синие панталоны, Ляшкевский постепенно вдохновляется и входит в такой азарт, что на губах его выступает пена. Говорит

он с польским акцентом, ядовито отчеканивая каждый слог; под конец мешочки под его глазами надуваются, он оставляет русских подлецов, мерзавцев и каналов в покое и, тараща глаза, кашляя от напряжения, начинает сыпать польскими ругательствами» [6, т. 6, с. 192]. Праздные разговоры и картёжный азарт заставляют немца Финкса забыть о том, что ему нужно посмотреть стену, треснувшую в школе. Вместо полезных дел он остаётся слушать брянь Ляшкевского и пить чай: «В шесть часов просыпается Финкс. — Поздно уж в гимназию, — говорит он, потягиваясь. — Придется завтра сходить, а теперь... отыграться, что ли? Давайте еще одну партию...» [6, т. 6, с. 196]. Не русский персонаж-обыватель, а герой-поляк Ляшкевский, который ничего не делает, играет в пикет и ругает русских, вызывает у читателя только улыбку и сожаление своей невоспитанностью, пошлостью, ворчливостью, грубостью и ленью: «— Восемь... девять... десять... Да, удивительный народ эти русские! Одиннадцать... двенадцать. Русская инертность — единственная на всем земном шаре <...> У, пся крев! И как это ты не околеешь от лени! Ни труда, ни нравственных и умственных интересов, а одни только растительные процессы... Гадость! Тьфу!» [6, т. 6, с. 194–196]. Ляшкевский показывает крайнюю степень грубости и невоспитанности, когда подобные бранные слова начинает уже говорить об ушедшем приятеле-немце, а потом принимается брюзжать и на собственное кресло и пружину матраца: «— Прроклятый, целый день просидел без всякого дела... Только жалованье даром получают, чёрт бы их побрал... Немецкая свинья...» [6, т. 6, с. 196]. Обличая русского

обывателя, поляк Ляшкевский сам оказывается ничуть не лучше того, кого он высмеивает или противопоставляет себе. Как следствие, чеховская ирония оказывается обращенной не на «свою» или «чужую» национальную культуру, а на общий уровень культуры и образования человека.

В других рассказах «Дочь Альбиона» (1883), «На чужбине» (1885), «Глупый француз» (1886) также звучит тема превосходства «своего» над «чужим», и в представленных образах иностранцев присутствует ярко выраженный эмоционально-оценочный компонент. Например, в рассказе «Дочь Альбиона» такие черты английского национального характера, как невозмутимость, беспристрастность не противопоставляются русским национальным чертам характера, и автор не борется со стереотипами. Невозмутимая, высокая, тонкая и презрительно глядящая англичанка мисс Тфайс спокойно удит рыбу и не обращает внимания на хозяина, который голый лезет в воду, чтобы отцепить крючок. На фоне англичанки, которая на протяжении рассказа не произносит ни слова, помещик Грябов и предводитель дворянства Отцов показывают всю свою грубость, невоспитанность, невежество, хотя и охотно противопоставляют себя женщине. В рассказе «Глупый француз» *французское* вовсе не высмеиваются автором и не кажется ему глупым. Напротив, «глупым» в рассказе оказывается не француз, с ужасом наблюдающий за русским, который с жадностью поглощает большую гору еды, но этот «полный благообразный господин», которого больше ничего не интересует в жизни, а только много и вкусно поесть. Француз и русский не столько воплощают разные культуры, разные

национальные характеры, сколько представляют разные системы ценностей, и «иная» культура не наделяется характеристикой «положительный/ отрицательный».

Рассуждая о хронотопических особенностях представления «чужого», отметим, что сюжет чеховских рассказов и повестей разворачивается в основном в провинциальных уездных, губернских городах; в усадьбах; в столичных городах Москве и в Петербурге, где мы и встречаем «живых» героев-иностранцев. В рассказе *«Патриот своего отечества»* (1883) действие происходит в «маленьком немецком городке», и инокультурное пространство дано штрихами: «имя этого городка носит одна из целебных вод», «больше отелей, чем домов», «хорошее пиво», «хорошенькие служанки» [6, т. 2, с. 66]. Собственно самой страны и другого народа словно не существует: существуют только многообразные *мнения* о той или иной стране и об «иной» культуре. Рассказ *«К характеристике народов»* (1884) построен как энциклопедия, в которой дана характеристика каждого народа. Член Русского географического общества характеризует каждый народ, его обычаи и традиции поверхностно, стереотипно и однобоко, невольно открывая читателю своё собственное обыденное, некультурное сознание. Реалии «иной» культуры, представленные в искажённом виде, смешиваются у «географа», с трудом представляющего себе географическое положение страны, о которой он говорит, с реалиями русской культуры. Так, французы, по его мнению, — легкомысленны и безнравственны, потому что «читают нескромные романы, женятся без позволения родителей, не слушаются дворников,

не уважают старших и даже не читают “Московских ведомостей”» [6, т. 3, с. 113]. «Испанцы дни и ночи играют на гитарах, дерутся под окнами на дуэлях и ведут переписку с звенигородским помещиком Константином Шиловским, сочинившим “Тигрѣнка” и “Желаю быть испанцем”» [6, т. 3, с. 113]. Не «иная» культура, а «географ», уничижительно и карикатурно представляя «иную» культуру, высмеивается автором, который обнажает ложную систему ценностей героя.

В поздних рассказах и повестях писателя с образом заграницы связан *мотив бегства*, сопряжённый с *другими мотивами* — *одиночества, скуки, недовольства жизнью*. Герой, стремясь заполнить *экзистенциальный вакуум*, бежит в другую страну мысленно или в реальности, но, попав в новое культурное пространство, он снова не находит себе места, и прежнее ощущение недовольства возвращается. В «*Рассказе неизвестного человека*» (1893) рассказчик, названный Неизвестным, бежит с Зинаидой Фёдоровной за границу от окружавшей героев пошлости. Но и там герой не находит покоя, скука и раздражение преследуют его: «Так мы прожили целый месяц. В один пасмурный полдень, когда оба мы стояли у окна в моем номере и молча глядели на тучи, которые надвигались с моря, и на посиневший канал и ожидали, что сейчас хлынет дождь, и когда уж узкая, густая полоса дождя, как марля, закрыла взморье, *нам обоим вдруг стало скучно*. В тот же день мы уехали во Флоренцию <...> Потом я вышел на террасу и долго глядел на море. Вдали на горизонте ни одного паруса, на левом берегу в лиловой мгле горы, сады, башни, дома, на всем играет солнце, но все чуждо, равнодушно,

путаница какая-то» [6, т. 8, с. 197–198, 201, 203; курсив мой. — В. А.].

Таким образом, сделаем вывод об особенностях художественного мышления Чехова и специфике взаимодействия «чужой» культуры со «своей» в его творчестве. Во-первых, в сознании автора не возникает оппозиция «свое / чужое», однако она может постоянно присутствовать в сознании героя, что приводит к насмешке автора над его мнением. Русское не предстает как самобытное, а иностранное как чужое, и культуры не противопоставляются. Во-вторых, этностереотипы не столько отделяют одну культуру от другой, сколько характеризуют сознание персонажей и служат для выявления их ценностной и этической позиции. Писателя в первую очередь интересует *ценностное* сознание человека *любой* культуры, и авторская точка зрения выражает антропологический взгляд на человека как на носителя онтологического начала. На первый план у Чехова выходит не то, что разделяет и, следовательно, создает национальный колорит, а, напротив, то, что сближает разные культуры. Этим, на наш взгляд, можно объяснить факт огромной популярности чеховского творчества у зарубежного читателя, воспринимающего писателя одновременного и как «своего», и как «чужого».

Литература

1. Абрамова В. С. Образ иностранца в прозе А. П. Чехова: переосмысление этностереотипов // *Мировая литература*

в контексте культуры. Научный журнал. — Пермь, 2017. — Вып. 6(12). — С. 84–90.

2. Буглак Т. О. Французы и Франция в творчестве А. П. Чехова: основные лейтмотивы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2014. — № 3. — С. 400–403.

3. Желтова Н. Ю. «Русское» и «Английское» в рассказе А. П. Чехова «Дочь Альбиона» // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. — 2011. — № 12. — С. 310–312.

4. Крюкова О. С. Немцы и «немецкое» в раннем творчестве А. П. Чехова // А. П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя. Сб. материалов Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1 — 4 октября 2009 года. — Ростов-н/Д: НМЦ «ЛОГОС», — 2009. — С. 89–94.

5. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. — 2011. — № 4. — С. 31–40.

6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1974–1983. — 30 т.

7. Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. — Л.: Худож. лит., 1986. — 456 с.

Аннотация. В статье затрагивается проблема аксиологии национального в творчестве А. П. Чехова и проза писателя анализируется с позиции художественной имагологии. На основе анализа образов «иной» культуры, характеристики оппозиции «русское – иностранное» и описания функций «своей» и «чужой» культуры в произведениях делается вывод о том, какое влияние на сознание автора оказывала «своя» и «чужая» культура. Писатель использует стереотипные представления о русских и о людях других национальностей, свидетельствующие о том, что он сосредоточен на этической и ценностной позиции представителя любой культуры, и его интересует человек как таковой, вне зависимости от национальной принадлежности.

Ключевые слова: проза А. П. Чехова, литературная имагология, оппозиция «свой/чужой», национальный стереотип, художественное сознание.